

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94 (367) : 929.5 «13/14»

DOI 10.18413/2075-4458-2018-45-4-674-681

К ВОПРОСУ О «ЧЕРНИГОВСКОМ КНЯЖЕНИИ» КНЯЗЯ РЮРИКА РОСТИСЛАВИЧА

ON THE ISSUE OF «CHERNIGOV RULE» OF PRINCE RYURIK ROSTISLAVICH

С.Н. Абуков
S.N. Abukov

Донецкий национальный университет,
83015, Донецк, ул. Университетская, 24

Donetsk National University,
24, Universitetskaya St, Donetsk, 83015,

E-mail: legusha@list.ru

Аннотация

Статья посвящена самому спорному вопросу биографии киевского князя Рюрика Ростиславича – одного из крупнейших древнерусских князей рубежа XII–XIII вв., а именно дате и месте его смерти. Несмотря на очевидные свидетельства летописей, автор, проанализировав имеющийся материал (особое внимание было уделено политической ситуации того времени), предположил, что князь никогда не правил в Чернигове, а его «княжение» является ошибкой, тиражированной в дальнейшем другими летописями. В статье предложены возможные причины такого сообщения. Однако трудно полностью игнорировать известие о пребывании Рюрика в Чернигове, где его статус не имел ничего общего с правлением в столице Ольговичей.

Abstract

The article is devoted to the most controversial issue of the biography of Kiev Prince Rurik Rostislavich – one of the greatest ancient Russian princes at the turn of the XII–XIII centuries, namely the date and place of his death. Despite the obvious evidence of the chronicles, the author, analyzing the material available, paying special attention to the political situation of that time, suggested that the prince never ruled Chernigov, and his "reign" is a mistake, later replicated in other chronicles. The possible causes of such a message are suggested in the article. However, it is difficult to completely ignore the news of Rurik's stay in Chernigov, where his status had nothing to do with the ruling in the capital of Olgovichi. The main reason for his fall - the loss of support from the princes and allies, which led to the decline of his political career. According to the author, the date of death of Rurik Rostislavich pointed in old chronicles, are the result of an error. The former Prince of Kiev died soon after 1210.

Ключевые слова: Рюрик Ростиславич, Русь, Чернигов, Киев, князь, правление, политика, Рюриковичи.

Keywords: Rurik Rostislavich, Rus', Kiev, Chernigov, prince, policy, Rurikides.

Вопрос о загадочной судьбе киевского князя Рюрика Ростиславича – одного из наиболее ярких и противоречивых фигур среди древнерусских князей домонгольского периода, его статусе, месте и годе смерти не раз ставил историков в тупик. Недоумение бы-

ло основано на сообщении Лаврентьевской летописи под 1210 г.: «Того же лѣта съде Всеволодь паки в Києвѣ, а Рюрикъ Черниговѣ» [ПСРЛ. Лаврентьевская летопись, 2001, стб. 435], дополненное не менее красноречивым сообщением той же летописи под 1215 г.: «Преставися Рюрикъ Ростиславич, князь Киевьскыи княжа Черниговѣ» [ПСРЛ. Лаврентьевская летопись, 2001, стб. 438]. Фактически два разновременных события с очевидностью говорят об одном и том же князе. И если в первом случае еще можно было предположить ошибку летописца, то второе известие не оставляет сомнения ни в упомянутом лице, ни о месте его правления. Но как Мономашич мог оказаться на княжении в стольном городе враждебных Ольговичей?

Известные историки прошлого в своих фундаментальных работах в своем изложении событий начала XIII века принимали факт черниговского княжения Рюрика как реальный и не пытались его оспорить. Так, Н.М. Карамзин писал: «Всеволод Чермный столь любил Киев, что согласился отдать за него древнюю столицу своей наследственной области...» [Карамзин, 1991, с. 425]. Наиболее красноречивым можно назвать замечание С.М. Соловьева, «обосновавшего» появление Рюрика на княжении в Чернигове: «...мало того, что Ольгович получает Киев, старший по нем Мономахович садится в Чернигове, возобновляется, следовательно, тот первоначальный порядок княжеских переходов по волостям, который был нарушен еще при Мономахе исключением Ольговичей из старшинства» [Соловьев, 1988, с. 571]. Вполне достоверным считал летописное сообщение и известный украинский историк М.С. Грушевский, назвавший его «компромиссом»: «Ольговичи заключили с Рюриком такое соглашение: он согласился отдать Всеволоду Киев, а себе за то взять Чернигов» [Грушевский, 1992, с. 232]. Современные исследователи подходили к изложенному факту более осторожно. Так, Л.В. Войтович отмечал по поводу потери Рюриком Киева, что он «вынужден был добровольно уступить сыну своего основного конкурента Святослава Всеволодовича и окончить свои дни в цитадели Ольговичей – Чернигове» [Войтович, 2006, с. 520].

Как видим, слишком очевидным было летописное известие авторитетного источника, чтобы можно было его отвергнуть. Тем не менее вопрос представляется достаточно важным, и дело даже не в белых пятнах биографии самого Рюрика Ростиславича, личности, безусловно, яркой и неоднозначной, интересовавшей историков [Котляр, 1996, с. 149–156; Dimnik, 2009, с. 31–66], но более широко – в понимании политических и владельческих отношений между ведущими князьями Южной Руси в начале XIII в.

Не менее трудным для понимания является разброс летописных сообщений о дате смерти Рюрика, который колеблется от 1208 г. до 1219 г. [ПСРЛ. Типографская летопись, 2000, с. 85; ПСРЛ. Пискаревский летописец, 1978, с. 81; ПСРЛ. Густынская летопись, 2007, с. 115]. Складывается впечатление, что летописцы не имели четкого представления о последних годах столь заметной фигуры, каким был этот киевский князь, политическая деятельность которого растянулась более чем на полвека. Пожалуй, трудно отыскать второго такого древнерусского князя, дата смерти которого была настолько противоречивой в наших источниках. В.Н. Татищев дает и более точную дату – 19 апреля 1211 г. [Татищев, 1964, с. 184]. Однако, учитывая сложность оценки «татищевских известий», однозначно признать ее аутентичность трудно. При этом наиболее признанной в исторической литературе считается 1212 г., определенный Н.Г. Бережковым [Бережков, 1969, с. 104].

В то же время предпринимались попытки более предметно рассмотреть возможность феномена черниговского княжения Рюрика Ростиславича, начиная еще с XIX в. Надо признать, что все эти исследователи считали невозможным правление Рюрика в Чернигове, но по-разному подходили к опровержению летописного сообщения. Необходимо отметить работы Р.В. Зотова, который полагал, что в Чернигове правил не Рюрик Ростиславич, а некий Рюрик Ольгович [Зотов, 1892, с. 61–63]; М. Димника, предположившего, что Рюрик Ростиславич никогда не правил в Чернигове и умер до 1210 г. на княжении в Киеве [Dimnik, 1982, р. 380–393] и Д. Феннела, считавшего, что он действительно находился в Чернигове, только не «княжил», а удерживался Ольговичами, «а то,

что летописец использует слово «княжа», – не более, чем эвфемизм, призванный скрыть тот факт, что Ольговичи нашли надежный способ обезвредить Рюрика» [Феннел, 1989, с. 72]. В последние годы следует отметить возрождение интереса к проблеме в работах украинского историка А.П. Толочко, выдвинувшего гипотезу, согласно которой князь после краткого периода политической активности вернулся в монастырь и умер монахом в 1215 г., а вместо «Чернигова» в летописи было с «чернечеством» [Толочко, 1997, с. 142]. В последние годы отмечается новый интерес к проблеме среди историков Украины, России и Беларуси. Гипотеза Р.В. Зотова получила в последние годы новый импульс. Так, Рюриком Ольговичем считал Рюрика в Чернигове Д.Н. Александров [Александров, 2001, с. 130–132]. Из других работ по теме обращает на себя внимание статья С. Келембета, считавшего, что Рюрик Ростиславич умер до 1212 г. и никогда не правил в Чернигове, а речь идет о черниговском князе Константине-Рюрике Ольговиче [Келембет, 2014, с. 7–8]. С.Н. Темушев также категорически отверг «черниговское княжение» Рюрика Ростиславича как ошибку сводчика. По мысли автора, на самом деле князь в Чернигове никогда не правил (там оставались Ольговичи), а окончил свои дни на киевском столе [Темушев, 2015, с. 62]. Аналогичный вывод о невозможности черниговского правления Рюрика Ростиславича поддержал А.П. Пятнов, который считал, что князь умер в Киеве еще в 1210 г., а в Чернигове правил в 1210–1212 г. все тот же Рюрик Ольгович [Пятнов, с. 88–89].

В попытке отыскать истину исследователи делали основной упор на анализ летописных сообщений и объяснение возможной ошибки в летописных текстах [Зотов, 1892, с. 47–56; Dimnik, 1982, р. 387–391; Толочко, 1997, с. 139–141; Темушев, 2015, с. 56–57]. В то же время, как представляется, недостаточно внимания было уделено политической ситуации на Руси в те годы. По нашему мнению, для решения проблемы необходимо ответить на следующие вопросы. Во-первых, нет ли путаницы и принятия одного Рюрика Ростиславича за Рюрика Ольговича. Во-вторых, возможно ли было в принципе правление в Чернигове Рюрика Ростиславича и обмен столами с Ольговичами в указанный период. В-третьих, был ли статус Рюрика таковым, что Ольговичи уступили ему свою столицу ради Киева в качестве взаимовыгодного договора. В-четвертых, допустимо ли иное прочтение известия Лаврентьевской летописи и имеет ли здесь место некая ошибка летописца. Последовательные ответы на эти вопросы при опоре на принципы объективности и историзма должны приблизить нас к пониманию последнего этапа жизни Рюрика Ростиславича.

Итак, Р.В. Зотов, как отмечалось, полагал, что в Чернигове действительно умер на княжении Рюрик, но только Ольгович. Свою версию он строил на противоречивых данных из «Истории» В.Н. Татищева и допущения, что в «Любецком синодике» под именем «Константина Ольговича» скрывается вышеупомянутый князь [Зотов, 1892, с. 61–63]. Однако, как убедительно доказал А.П. Толочко, «Рюрик Ольгович» – не более чем неточность историка XVIII в. Позднее появление этого князя в татищевском тексте противоречит его же изложению, а сам он даже не отражен в именном указателе [Толочко, 1997, с. 137–138.]. Вообще, надо отметить, что генеалогические сведения Татищева – одна из самых слабых мест его «Истории», изобилующей в этом плане противоречиями, явными ошибками и вымышленными князьями, на что обращали внимание исследователи [Плахолин, 2004, с. 321–330; Абуков, 2016, с. 9–14]. Но и без этого есть большие сомнения в реальности Рюрика Ольговича. Такое имя не входило в ономастикон черниговских князей, отличавшихся приверженностью к традиционным именам. Также не ясно, как гипотетический племянник мог оказаться на столе в Чернигове раньше родных дядей Глеба и Мстислава Святославичей. Еще менее вероятной представляется идентификация Рюрика Ольговича как внука Святослава Ольговича из младшей линии черниговских князей [Кербет, 2012, с. 8; Темушев, 2015, с. 61]. Несмотря на попытку объяснить появление имени Рюрик браком Олега Святославича на сестре Рюрика Ростиславича, остается не ясным, как младшая линия Ольговичей оказалась на старшем столе, притом что отец мнимого Рюрика Олег Святославич никогда не был черниговским князем, а впереди него на лестнице

находились пять князей – его старших троюродных братьев. Это было явное нарушение старшинства, за которое так боролись все древнерусские князья, включая Ольговичей. В вышеприведенном летописном тексте, как к нему ни относиться, речь четко идет именно о Рюрике с отчеством «Ростиславич». Да и было бы странным, если перед этим летописец неоднократно упоминал этого князя и без пояснений неожиданно говорил о некоем новом лице, не давая никаких пояснений. Да и как гипотетический и ни разу не упомянутый Рюрик Ольгович мог меняться Киевом с Всеволодом Чермным? В общем, повышенную концентрацию в Чернигове в 1210 г. князей с очень редким именем Рюрик следует отвергнуть. Ошибочной, как механическая ошибка при переписывании, по нашему мнению, является чтение в Любецком синодике Константина с отчеством Ольгович [Зотов, 1892, с. 25], поэтому конструкция Константин-Рюрик Ольгович представляется надуманной.

Что касается возможности обмена столами, то и здесь важно отметить следующее. Никогда и ни при каких обстоятельствах Мономашич не мог оказаться в главном городе Ольговичей. Как справедливо отметил А.П. Толочко, Мономашичи, наоборот, выступали за четкое разделение по Днепру, не хотели пускать этих опасных конкурентов в борьбе за Киев на правую сторону [Толочко, 1997, с. 136.]. Ни Мономашичи, ни сам Рюрик никогда не претендовали на черниговский стол. Кроме того, это было нарушением базового решения Любецкого съезда 1097 г., согласно которому устанавливалось отчинное разделение Руси между князьями [ПСРЛ. Ипатьевская летопись, 2000, стб. 231]. Более того, это было немыслимо с политической точки зрения, так как подобная мена ничего не давала сторонам по сути и не являлась элементом равноправного соглашения между сторонами. В поиске подобных прецедентов в истории Руси этого времени мы не встречаем ничего похожего. Князья обменивались владениями в качестве внутрисемейных компромиссов, но только не родовыми владениями. Ольговичи могли выделить престарелому Рюрику любую из киевских волостей «на прожиток», например, Белгород или его любимый Овруч, где он правил с перерывами с 1168 по 1208 гг. и где ему уже приходилось отсиживаться от врагов в трудные моменты биографии [Войтович, 2006, с. 519; ПСРЛ. Лаврентьевская летопись, 2000, стб. 418]. Это было бы понятно и логично, но никак не передача ему в управление главного города Черниговской земли – своей базы. Само княжение в столице Ольговичей, которая уже почти 120 лет являлась владением их рода, пропитанным их памятью, традициями, людьми и ценностями, абсолютно неосуществимо. Никакого реально-го управления осуществить в таких условиях было невозможно.

А был ли Рюрик Ростиславич в 1210 г. фигурой, соглашение с которым могло быть куплено обменом Киева на Чернигов? И в этом вопросе приходится констатировать следующее. Сами Ольговичи не считали больше Рюрика полноценным князем, чтобы заботиться о его статусе и отдавать ему свою «отчину». Зимой 1204 г. Рюрик был насильственно пострижен в монахи вместе с женой и дочерью своим бывшим зятем галицким князем Романом Мстиславичем. Только после гибели Романа в Польше в июне 1205 г. Рюрик расстригся, проведя в монастыре почти полтора года. Он занял Киев и возобновил свою политическую активность [ПСРЛ. Лаврентьевская летопись, 2000, стб. 425–426]. Но для княжеской братии он был монахом, князем с неполноценным статусом. Именно так воспринимали Рюрика Ольговичи, заявившие: «Не достоить чернцю княжити» [ПСРЛ. Типографская летопись, 2000, с. 85]. Сыновья также считали Рюрика постриженным в монахи [ПСРЛ. Ипатьевская летопись, 2001, стб. 753]. Кроме того, ресурсы Рюрика были подорваны. Киевляне были настроены к нему враждебно после учиненного погрома города 1202 г. Сообщению о потере Рюриком Киева и переводом в Чернигов предшествует рассказ летописи об изгнании сына Рюрика Ростислава из Галича и вокняжение там Ольговичей [ПСРЛ. Летопись по Воскресенскому списку, 2001, с. 117]. На юге Руси киевский князь, теснимый Ольговичами, мог рассчитывать только на мелких князей и союзников-половцев. К тому времени на политическую авансцену молодые представители династии смоленских Ростиславичей: племянники Рюрика Мстислав Романович и Мстислав Мстиславич. Похоже, что могущественный сват, суздальский князь Всеволод Большое Гнездо,

отказал Рюрику в поддержке. Это был глубокий закат политической карьеры, начавшейся в 1157 г. походом на Туров [ПСРЛ. Ипатьевская летопись, 2001, стб. 491]. Татищевский некролог покойному говорит о непопулярности князя как среди братии, так и киевлян. Любопытно, что в нем судьба Рюрика напрямую связывается с благорасположением Всеволода Суздальского [Татищев, 1964, с. 184–185]. Предположить, что в таких обстоятельствах Ольговичи уступили Рюрику Чернигов кажется невероятным. Похоже, судьбу Рюрика решила дипломатическая миссия митрополита Матфея 1210 г. от киевского князя Всеволода Чермного к Всеволоду Большое Гнездо [ПСРЛ. Лаврентьевская летопись, 2001, стб. 435]. Именно так считал Дж. Феннел [Феннел, 1989, с. 71–72]. Вслед за этим сообщается, что Рюрик утратил Киев и был переведен в Чернигов. Кажется, что действия в отношении Рюрика носили насильственный характер, и последовавшее за этим нападение половцев на переяславские земли, возможно, было как-то связано с противостоянием Мономашичей с Ольговичами [ПСРЛ. Летопись по Воскресенскому списку, 2001, с. 117]. Вообще, 1210–1212 – годы очевидного усиления Ольговичей, на что обратил внимание М.С. Грушевский [Грушевский, 1992, с. 232].

И еще один хорошо известный и уже приводимый аргумент: в 1212 г., когда в Чернигове якобы правил Рюрик, город был осажден Мономашичами, включая сына Владимира Рюриковича и племянника Мстислава Романовича, но там княжил Глеб Святославич, брат Всеволода Чермного, который и был тогда, вероятнее всего, черниговским князем, как следующий по старшинству. Предполагать, что там в это время сидел князем старейший из южных Мономашичей, нереально. Нигде не видно Рюрика, а главой клана Ростиславичей и позднее киевским князем выступает Мстислав Романович [ПСРЛ. Летопись по Воскресенскому списку, 2001, с. 118]. В бурных событиях 1210–1215 гг. Рюрик Ростиславич нигде не упоминается, и это удивило в свое время Н.М. Карамзина [Карамзин, 1991, с. 566. Прим. 133; с. 579. Прим. 155]. На это могли быть только две причины: либо он умер, либо был не свободен. Не лишено вероятия и мнение о его возвращении в монастырь, где оставались его жена и дочь. Впрочем, только исключительные обстоятельства или внешнее давление могли заставить этого амбициозного князя снова надеть монашескую рясу.

Как же тогда следует объяснить данные летописей? Историки не раз делали анализ всего комплекса летописных сообщений. Как установлено, все они восходят к одному первоисточнику – протографу Лаврентьевской летописи 1305 г., который, в свою очередь, восходит к ряду более ранних северорусских сводов [Толочко, 1997, с. 141; Насонов, 1969, с. 225; Приселков, 1996, с. 131]. Тяжеловесной фраза выглядит, например, в харатейном списке Симеоновской летописи: «сѣде въ Киевѣ Всеволодъ Чръниговскій Чръмный, а Рюрикъ въ Черниговѣ» [ПСРЛ. Симеоновская летопись, 2007, с. 46]. Густынская летопись XVII века, поздняя и изобилующая ошибками, представляет дело как совершенное примирение сторон: «И тако сяде Всеволод Чермный на великом княжении Киевѣском, а Рюрикъ Ростиславичъ въ Чернѣговѣ» [ПСРЛ. Густынская летопись, 2003, с. 112]. При этом южнорусская Ипатьевская летопись, в эти годы отразившая в полной мере борьбу сыновей Романа Мстиславича за власть на юго-западе Руси, осталась равнодушна к судьбе Рюрика, который был не только одним из крупнейших князей, но и далеко не посторонним для местных событий лицом, бывшим тестем Романа [ПСРЛ. Ипатьевская летопись, 2001, стб. 661]. Темушев полагал, что ошибочное упоминание «Рюрикъ въ Черниговѣ» – результат домысливания составителя Лаврентьевской летописи, плохо ориентировавшегося в событиях [Темушев, 2015, с. 61–62].

Однако, как известно, последний работал только с одним ветхим источником [Насонов, 1969, с. 179–180]. Мы не знаем, что было написано на этом месте и не встретились ли трудности при переписывании текста. Собственно, только одно слово является ключевым – «княжа». Без него нет необходимости ставить под сомнение летописный текст. То, что здесь имелся не ясный для прочтения фрагмент, можно предположить на основании Тверской («Того же лѣта преставися князь Ростиславъ Киевскій, княжавъ в Чернигове») [ПСРЛ. Тверской сборник, 1965, стб. 315] и Ермолинской («Преставися князь

Ростиславъ Киевский, княжа в Чернигове») [ПСРЛ. Ермолинская летопись, 2004, с. 64] летописей, где на этом месте в той же словесной конструкции упоминается другое лицо. Возможно, в тексте Лаврентьевской и близкой к ней летописях речь шла об отправке Рюрика Ростиславича в Чернигов, что было воспринято как указание на его правление. Таким образом, как представляется, в истории «княжения» Рюрика в вотчине Ольговичей мы имеем дело с летописным недоразумением.

Возможно и иное объяснение. Как отмечалось выше, летопись Всеволода Большое Гнездо и его сыновей через свод 1305 г. вошла в Лаврентьевскую летопись. Задача летописца, помимо изложения важных событий, заключалась в представлении своего князя в наиболее благоприятном свете и несколько приукрашала действительность в пользу владими́ро-суздальского князя, особенно что касается его влияния на внешнеполитические дела юга Руси. Такие факты мы обнаруживаем в летописном тексте [ПСРЛ. Лаврентьевская летопись, 2001, стб. 412, 435.]. Не менее важным было представление своего патрона в позитивном свете. Как известно, Рюрик приходился Всеволоду сватом [ПСРЛ. Лаврентьевская летопись, 2001, стб. 407]. И до 1210 г. отношения между сватами нельзя назвать безоблачными. Именно суздальский князь спровоцировал конфликт между Рюриком и его зятем Романом Галицким, имевшим для них роковые последствия [ПСРЛ. Ипатьевская летопись, 2001, стб. 683]. В конце концов Всеволод Суздальский фактически «сдал» своего родственника и представителя клана Мономашичей Ольговичам, что вовсе не украшало его в глазах «общественности». Не имеем ли мы дело с сознательным искажением судьбы экс-киевского князя летописцем рассказом о некоем обмене столами и путанными сообщениями о его смерти?

Отвечая на главный поставленный вопрос, вынесенный в заглавие, и учитывая вышесказанное, следует, на наш взгляд, предположить следующее. Рюрик Ростиславич никогда не правил в столице Ольговичей. Упоминание Чернигова кажется не случайным и не ошибкой, поэтому трудно согласиться, что князь умер в Киеве еще в апреле 1210 г. [Пятнов, 2002, с. 89] Утратив поддержку, он сошел с исторической сцены, но мог находиться в Чернигове в качестве пленника или заложника, где оказался под надзором зятя Глеба Святославича. Один из черниговских монастырей был вполне подходящим для Ольговичей местом, где мог удерживаться беспокойный и нестойкий в клятвах бывший киевский князь. К сожалению, мы едва ли сможем с полной уверенностью установить подробности конца жизни Рюрика Ростиславича. Вероятно, что смерть Рюрика последовала вскоре после 1210 г. и до 1212 г. Как ни покажется странным, но приведенная выше татищевская дата смерти князя кажется уже не такой неправдоподобной. Вообще, точные даты иногда заслуживают большего доверия.

Таким образом, следует признать, что в истории «княжения» Рюрика Ростиславича в Чернигове мы имеем дело с летописным недоразумением. В то же время никогда и ни при каких обстоятельствах Мономашич не мог оказаться в главном стольном городе Ольговичей. Во-первых, это было нарушением базового решения Любецкого съезда 1097 г., четко разграничившего владения между Ольговичами и Мономашичами. Ольговичи при желании могли выделить престарелому экс-монаху Рюрику любую из киевских волостей, но только не свой отчинный главный город. Во-вторых, это было немыслимо с политической точки зрения, так как входило в противоречие с ситуацией на Руси в начале XIII в. Сам такой обмен между Рюриком и Всеволодом Чермным был бессмысленным и ничего не давал сторонам конфликта. В-третьих, мы не имеем подобных прецедентов в междукняжеских отношениях. В-четвертых, сами Ольговичи не считали больше Рюрика полноценным князем, чтобы заботиться о его статусе и отдавать ему свою «отчину». В их глазах он был монахом. Лишенный власти киевский князь потерпел ряд тяжелых неудач и не имел реальной поддержки. Также нет необходимости выдумывать князя Рюрика Ольговича. Так как все известия, так или иначе, восходят к Лаврентьевской летописи, то ошибка кроется в тексте свода, который был вольно или невольно искажен, но послужил основой всех последующим сообщений о правлении Рюрика в Чернигове.

Список литературы References

1. Абуков С.Н. 2016. К вопросу о происхождении городенских князей. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 3: 9–14.
Abukov S.N. 2016. K voprosu o proishozhdenii gorodenskih knjazej. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 3: 9–14. (in Russian)
2. Александров Д.Н. 2001. Феодальная раздробленность на Руси. М., Экслибрис-Пресс, 476.
Aleksandrov D.N. 2001. Feodal'naja razdroblennost' na Rusi. M., Jekslibris-Press, 476. (in Russian)
3. Бережков Н.Г. 1963. Хронология русского летописания. М., Изд-во Академии Наук СССР, 376.
Berezhkov N.G. 1963. Hronologija russkogo letopisanija. M., Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 376. (in Russian)
4. Войтович Л.В. 2006. Княжа доба: портрети еліти. Біла церква, Видавець Олександр Пшонківський, 520.
Vojtovich L.V. 2006. Knjazha doba: portreti eliti. Bila cerkva, Vidavec' Oleksandr Pshonkivs'kij, 520.
5. Грушевський М.С. 1992. Історія України-Руси. Т. 2. Київ, Наукова думка, 640.
Grushevs'kij M.S. 1992. Istorija Ukraïni-Rusi. T. 2. Kiev, Naukova dumka, 640.
6. Зотов Р.В. 1892. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. Спб., Тип. бр. Пантелеевых, 379.
Zotov R.V. 1892. O chemigovskih knjaz'jah po Ljubeckomu sinodiku i o Chernigovskom knjazhestve v tatarskoe vremja. Spb., Tip. br. Panteleevykh, 379. (in Russian)
7. Карамзин Н.М. 1991. История государства Российского. Т. II–III. М., Наука, 832.
Karamzin N.M. 1991. Istorija gosudarstva Rossijskogo. T. II–III. M., Nauka, 832. (in Russian)
8. Келембет С. 2012. Рюрик-Костянтин Ольгович – загадковий чернігівський князь XIII століття. Сіверянський літопис. Чернігов. 1–2 (103–104): 3–10.
Kelembet S. 2012. Rjurik-Kostjantin Ol'govich – zagadkovij chernigivs'kij knjaz' XIII stolittja. Siverjans'kij litopis. Chernigov. 1–2 (103–104): 3–10.
9. Котляр М.Ф. 1996. История Украины в особах. Давньоруська держава. Київ, Україна, 240.
Kotljars'kij M.F. 1996. Istorija Ukraïni v osobah. Davn'orus'ka derzhava. Kiev, Ukraïna, 240.
10. Насонов А.Н. 1969. История русского летописания XI – начала XVIII вв. М., Наука, 555.
Nasonov A.N. 1969. Istorija russkogo letopisanija XI – nachala XVIII vv. M., Nauka, 555. (in Russian)
11. Плахонин А.Г. 2004. «История Российская» В.Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей. Средневековая Русь: [сб. ст.]. Редкол.: А.А. Горский (отв. ред.) [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т российской истории. М., Индрик, Вып. 4: 321–330.
Plahonin A.G. 2004. «Istorija Rossijskaja» V.N. Tatisheva i issledovanie genealogii Rjurikovic'ej. Srednevekovaja Rus': [sb. st.]. Redkol.: A.A. Gorskij (otv. red.) [i dr.]; Ros. akad. nauk, In-t rossijskoj istorii. M., Indrik, Vyp. 4: 321–330. (in Russian)
12. Присёлков М.Д. 1996. История русского летописания XI–XV вв. СПб., Дмитрий Буланин, 328.
Prisjolkov M.D. 1996. Istorija russkogo letopisanija XI–XV vv. SPb., Dmitrij Bulanin, 328. (in Russian)
13. ПСРЛ. Густынская летопись. 2003. Т. 40. СПб., Дмитрий Буланин, 202.
PSRL. Gustynskaja letopis'. 2003. T. 40. SPb., Dmitrij Bulanin, 202. (in Russian)
14. ПСРЛ. Ермолинская летопись. 2004. Т. 23. М., ЯСК, 256.
PSRL. Ermolinskaja letopis'. 2004. T. 23. M., JaSK, 256. (in Russian)
15. ПСРЛ. Ипатьевская летопись. 2001. Т. 2. М., Языки славянской культуры, 648.
PSRL. Ipat'evskaja letopis'. 2001. T. 2. M., Jazyki slavjanskoj kul'tury, 648. (in Russian)
16. ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. 2001. Т. 1. М., Языки славянской культуры, 496.
PSRL. Lavrent'evskaja letopis'. 2001. T. 1. M., Jazyki slavjanskoj kul'tury, 496. (in Russian)
17. ПСРЛ. Летопись по Воскресенскому списку. 2001. Т. 7. М., ЯРК, 360.
PSRL. Letopis' po Voskresenskomu spisku. 2001. T. 7. M., JaRK, 360. (in Russian)

18. ПСРЛ. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. 1978. Т. 34. М., Наука, 304.
PSRL. Postnikovskij, Piskarevskij, Moskovskij i Bel'skij letopiscy. 1978. T. 34. M., Nauka, 304. (in Russian)
19. ПСРЛ. Рогожский летописец. Т. XV (Выпуск 1). Тверской сборник. Т. XV. 1965. М., Наука.
PSRL. Rogozhskij letopisec. T. XV (Vypusk 1). Tverskoj sbornik. T. XV. 1965. M., Nauka. (in Russian)
20. ПСРЛ. Симеоновская летопись. 2007. Т. 18. М., ЯСК, 328.
PSRL. Simeonovskaja letopis'. 2007. T. 18. M., JaSK, 328. (in Russian)
21. ПСРЛ. Типографская летопись. 2000. Т. 24. М., ЯРК, 288.
PSRL. Tipografskaja letopis'. 2000. T. 24. M., JaRK., 288. (in Russian)
22. Пятнов А.П. 2002. Борьба за киевский стол в 1210-е г.: спорные вопросы хронологии. Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (7): 83–89.
Pjatnov A.P. 2002. Bor'ba za kievskij stol v 1210-e g.: spomye voprosy hronologii. Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. 1(7): 83–89. (in Russian)
23. Соловьев С.М. 1988. История России с древнейших времен. Кн. 1. М., Мысль, 797.
Solov'ev S.M. 1988. Istorija Rossii s drevnejshih vremen. Kn. 1. M., Mysl', 797. (in Russian)
24. Татищев В.Н. 1964. История Российская. Т.3. М.-Л., Наука, 338.
Tatishhev V.N. 1964. Istorija Rossijskaja. T.3. M.-L., Nauka, 338. (in Russian)
25. Темушев С.Н. 2015. Политическая рокировка начала XIII в.: Рюрик Ростиславич на черниговском престоле. *Studia internationalia: Mat. IV mezhdunar. nauchn. konf. «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв. Брянск: 54–62.*
Temushev S.N. 2015. Politicheskaja rokirovka nachala XIII v.: Rjurik Rostislavich na chemigovskom prestole. *Studia internationalia: Mat. IV mezhdunar. nauchn. konf. «Zapadnyj region Rossii v mezhdunarodnyh otnoshenijah X–XX vv. Brjansk: 54–62 (in Russian)*
26. Толочко О.П. 1997. Про місце смерті Рюрика Ростиславича. Український історичний журнал. 5: 136–144.
Tolochko O.P. 1997. Pro misce smerti Rjurika Rostislavicha. Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. 5: 136–144.
27. Феннел Дж. 1989. Кризис средневековой Руси 1200–1304 гг. [Перевод с англ. В.В. Голубчикова]; Вступ. ст., общ. ред. А.Л. Хорошкевич, А.И. Плигузова. М., Прогресс, 291.
Fennel Dzh. 1989. Krizis srednevekovoj Rusi 1200–1304 gg. [Perevod s angl. V.V. Golubchikova]; Vstup. st., obshh. red. A.L. Xoroshkevich, A.I. Pliguzova. M., Progress, 291.
28. Dimnik M. 1982. The Place of Rurik Rostislavich's Death: Kiev or Chernigov? *Mediaeval Studies*. Vol. 44. Toronto: 371–393.
29. Dimnik M. 2009. Rurik Rostislavich (d. 1208?): the Unsung Champion of the Rostislavichi, *Ruthenica*. T. VIII. K.: 31–66.